культура Кобборг Йохан.

Лондонцы взяли техникой

Алина Кожокару и Йохан Кобборг в «Дон Кихоте»

фестиваль балет

На фестивале «Мариинский» в местном «Дон Кихоте» выступили солисты лондонского Royal Ballet Алина Кожокару и Йохан Кобборг. Похоже, это самое лучшее, что случилось с фестивалем в этом году, считает ЮЛИЯ ОЛЕВСКАЯ.

Вообще-то Алина Кожокару и Йохан Кобборг в Петербурге бывают довольно часто: на фестивалях, на гастролях английской труппы или по личным приглашениям. Рассказывая, кто приедет в этом году, про них уже говорили «...и конечно же, Кожокару и Кобборг». То есть нельзя сказать, чтобы их «Дон Кихот» подавался как кульминация. Он таковой стал сам.

Разумеется, аншлаг на бенефисе Ульяны Лопаткиной (по слухам, этот бенефис принес театру около $80 тыс.) не сравнится ни с чем (см. вчерашний „Ъ“). Но беспримерная слава Лопаткиной уже как бы живет помимо самой балерины: все заранее идут приобщиться к легенде, готовые впасть в транс на спектакле и в экстаз — после. А вот Кожокару с Кобборгом пришлось идти в бой. Несколько лет назад казалось, что миниатюрная Алина Кожокару перевернет балетный канон: «эпоха пост-Гиллем» с высоченными техногенными примами-гимнастками кончится, а мир снова полюбит невысоких балерин с нежными манерами, то есть таких, на которых на самом деле и была поставлена вся классика XIX века. Правда, признаться, именно поэтому энергичный и изобилующий силовыми трюками «Дон Кихот» вызывал вопросы. В гардеробе служительница сказала: «Зал сегодня плохой — все ушли через дорогу». Через дорогу, в Театре консерватории, давал премьеру «Анны Карениной» Борис Эйфман. Зал тем не менее выглядел занятно — формообразующими стали две большие делегации: тибетские монахи (справа) и российские космонавты (слева).

Монахи реагировали живо — один даже засмеялся, закрыв рот ладонью, и я им весь спектакль завидовала: я-то думаю, что «Дон Кихот» и «Лебединое озеро» надо лет на пятьдесят запретить к исполнению. Партия шкодливой испанской девицы, дочери трактирщика, полюбившей простого брадобрея, засалилась и залоснилась от множества прикосновений. Балерины это тоже понимают — поэтому роль Китри танцуют, глубоко втопив на газ в первой же сцене. Иначе публику уже не разбудить. Трясут юбками, вколачивают пуанты в пол, ввинчивают туры — под аккомпанемент неряшливой «пиротехники» танцовщика-премьера, на каждом прыжке раздирающегося в паху,— спектакль бьется в конвульсиях и дымится, как при казни электрическим стулом. Если «Дон Кихот» и жив до сих пор, то только благодаря большому туристическому потоку — не перевелись еще люди, которые хлопают в такт балеринским фуэте и ахают, когда на сцену, мотая головой, выходит живая лошадь с артистом миманса на спине.

Вскинув в воздух Алину Кожокару, Йохан Кобборг держал ее так долго, что это стало похоже на цирковой номер
ФОТО ВАЛЕНТИНА БАРАНОВСКОГО

Алина Кожокару и Йохан Кобборг показали, что все может быть совсем не так. Йохан Кобборг не привез никаких новых трюков. Более того, он сильно разгрузил партию от чужих «отсебятин», оставив только текст. И в этом был вызов. Первый раз в жизни я видела в сцене кабачка, где принято «играть» и все плюют на точность, чтобы танцовщик честно делал цепочку вращений «шене» — по строжайшей шестой позиции («чтобы ноги были как будто полотенцем связанные», как поясняли в школе балетные старики), с филигранным соблюдением ракурса на каждом обороте....А про то, что кисти рук в первой и второй позициях по правилам должны быть напротив солнечного сплетения, я тоже раньше только слышала — Йохан Кобборг показал, что наяву бывает и такое.

Партию Базиля он, человек строгой датской школы, станцевал с таким инструментальным блеском, отчетливостью форм и собранной мужской динамичностью, что балетоманы с третьего яруса мычали: к финалу спектакля у них даже не было сил выкрикнуть что-нибудь. При этом и комедийный гвоздь партии — мимическая сцена мнимого самоубийства Базиля была сыграна господином Кобборгом с такой великолепной патетичной мрачностью, что наводила на мысль о том, как все-таки условна в балете драма: такой же монолог мог бы украсить собой трагичный «Майерлинг», «Лебединое озеро», а то и балет про Гамлета.

На высоте была и Алина Кожокару. Она держится на сцене так, что с трудом доходит: эта крошка на тоненьких ножках только что зависла секунд на десять на пуантах в арабеске без всякой поддержки. Крошечное тело носило по сцене, как ветром,— так обращаться с пространством под силу далеко не каждой балетной атлетке. Блестящие пассажи ее смешливая героиня перебивала деловитой рысцой, а в дуэте из первого акта оба солиста пошутили самую лучшую шутку на тему премьеров, вот уже столетие выжимающих из «Дон Кихота» аплодисменты. Вскинув в воздух хрупкую партнершу на вытянутых руках, Кобборг держал оркестр на цирковой паузе до тех пор, пока Кожокару уже не стала с верхотуры махать ему руками «давай, мол, снимай уже». Вот в этот самый момент тибетский монах, кстати, и засмеялся.